

ЛАРА ВЕЙН

НИБИРУ

— ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА —

18+

Лара Вейн

Нибиру. Время перехода

«Автор»

2026

Вейн Л.

Нибиру. Время перехода / Л. Вейн — «Автор», 2026

Российский астроном находит в небе то, чего там быть не должно: тёмную планету, чья орбита совпадает с древними легендами. Она обитаема — и приближается. Оказывается, все пропавшие города Земли находятся на ней, а человечество — чей-то давний эксперимент. У людей есть годы, чтобы решить: встретить гостей или закрыться от них.

© Вейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Светлояр, 1238 год	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1. Лишняя точка	10
Глава 2. Параллакс	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Нибиру. Время перехода

Глава

НИБИРУ

Время перехода

Книга первая цикла «Хроники Аралу»

Пролог. Светлояр, 1238 год

Колокол на звоннице Воздвиженской церкви ударил в третий раз, и отец Варсонофий понял, что больше уже не заснёт.

Звонили не к заутрене. До заутрени было далеко: над озером стояла та самая глухая февральская темень, когда даже собаки перестают брехать и лежат под крыльцом, свернувшись, будто их и нет. Звонили по-другому — редко, протяжно, с долгими паузами, будто звонарь каждый раз прислушивался, не ответит ли ему кто-нибудь из-за леса.

Ответить было кому. С вечера по городу ходил слух, что татары взяли Городец и идут сюда, по льду Керженца, по лесным дорогам, которые знали только свои. Говорили, что ведёт их изменник, Гришка Кутерьма, пьяница и бродяга, которого в Китеже кормили из милости. Говорили, что войска у князя нет — князь Георгий Всеволодович ушёл на реку Сить собирать полки и с тех пор не подавал вестей. Говорили многое, и всё было похоже на правду, потому что правда в ту зиму была хуже любых слухов.

Варсонофий надел тулуп поверх подрясника, сунул ноги в валенки и вышел.

Мороз ударил в лицо так, что заслезились глаза. Он постоял, привыкая к темноте, и увидел, что не спит не он один. Вдоль улицы, ведущей к пристани, стояли люди — молча, кучками, в чём выскочили из домов. Бабы с детьми на руках, старики, мальчишки. Никто не плакал. Это было страшнее всего: в Китеже, где на любое горе находилось три плакальщицы, никто не плакал.

— Батюшка, — тронул его за рукав Ерёма, кузнецов сын, рослый парень лет шестнадцати.
— Батюшка, глянь на озеро.

Варсонофий посмотрел.

Светлояр лежал под снегом, круглый и ровный, как блюдо. Лёд на нём был толстый — по такому весной возили сено на саях. Но сейчас посреди озера, там, где летом было глубже всего и где, по словам рыбаков, дна не доставала никакая верёвка, снег светился.

Не отражённым светом — звёзд в ту ночь не было, небо затянуло. И не огнём: огонь пляшет, мечется, а это сияние стояло ровно, как вода в колодце. Оно было голубоватым, холодным, но не мёртвым. Так светятся гнилушки в лесу, только во много раз ярче, и так, рассказывали мореходы, светится иногда море у дальних северных берегов.

— Что это? — спросил Ерёма.

Варсонофий не ответил. Он смотрел и чувствовал, как внутри у него что-то разламывается надвое. Одна половина хотела перекреститься и бежать в церковь, к иконам, где всё понятно и всё под защитой. Другая — та, что с детства лезла на колокольню считать звёзды и спорила с игуменом о том, почему луна меняет лик, — хотела пойти на лёд и посмотреть поближе.

Колокол ударил снова, и свет под снегом ответил: он чуть дрогнул, стал ярче и снова успокоился. Будто вздохнул.

— Звонарь-то знает, — сказал кто-то за спиной.

Варсонофий обернулся. Позади стоял старик Мирон, которого в городе звали Мирон-сторожем, хотя никто уже не помнил, что именно он сторожит. Мирон был стар всегда, сколько Варсонофий себя помнил, — сухой, прямой, с белой бородой до пояса и глазами, которые смотрели не на тебя, а куда-то сквозь тебя, как смотрят на далёкую дорогу. Жил он один, в избушке у самой воды, рыбачил, ни с кем не дружил, но и не ссорился. Дети его побаивались. Взрослые уважали, сами не зная за что.

— Чего знает? — спросил Варсонофий.

— Что пора, — сказал Мирон. — Он ведь не татарам звонит, батюшка. Татарам что звони, что не звони. Он им звонит. — Старик кивнул на озеро. — Чтоб услышали.

— Кому — им?

Мирон помолчал. Потом сказал странное, и это странное Варсонофий запомнил на всю оставшуюся жизнь, хотя жизни той оставалось совсем немного:

— Тем, кто приходит раз в шар лет. Мы их ждали. А они уже давно ушли, только сторожа оставили. Сторож и слушает.

Он сказал «шар» — не «шесть десятков», не «сорок сороков», а именно так, непонятно. Варсонофий хотел переспросить, но не успел.

* * *

Из леса, со стороны Городецкой дороги, донёсся вой. Не волчий — волки воют иначе, тоскливо и долго. Этот вой был короткий, многоголосый и злой. Так перекликаются люди, когда хотят, чтобы их боялись.

Толпа на улице колыхнулась. Заплакал наконец ребёнок, за ним другой. Кто-то побежал к воротам, кто-то — обратно в дома, хватать узлы. Варсонофий стоял на месте и чувствовал, как стынут ноги.

— Батюшка, — сказал Мирон, и голос у него стал другим, не старческим, а твёрдым, будто говорил воевода. — Веди людей на лёд.

— На лёд? Под стрелы?

— На лёд. К свету. Все, кто хочет жить, пусть идут. Кто не хочет — пусть остаётся, неволишь не будем. Только скажи им, пусть не боятся. Страшно будет. Больно не будет.

Варсонофий смотрел на него и не узнавал. Будто с лица старика сползла старая кожа, и под ней оказался кто-то другой — не моложе, нет, а древнее. Древнее этого города, древнее церквей, древнее самой Руси.

— Ты кто? — спросил он шёпотом.

— Сторож, — ответил Мирон. — Я же говорил.

И Варсонофий пошёл.

Позже, когда он пытался вспомнить эту ночь, ему казалось, что всё происходило во сне. Он шёл по улице и звал людей, и люди шли за ним — сначала немногие, потом всё больше. Шли бабы с детьми, шли старики, шли мужики с топорами, которые так и не решились бросить, шёл даже кривой дьячок Пахом, который всю жизнь боялся воды и не умел плавать. Они спускались к пристани и ступали на лёд, и лёд держал их, хотя под ним — Варсонофий видел это своими глазами — разгорался всё ярче голубой свет.

Колокол звонил не переставая.

Когда они дошли до середины озера, свет под ногами стал таким ярким, что пришлось зажмуриться. Варсонофий успел увидеть, что лёд вокруг них не трескается, а будто истончается, становится прозрачным, как слюда, как стекло в княжеских теремах. И под этим стеклом, в глубине, лежало что-то огромное.

Не рыба. Не камень. Что-то ровное, гладкое, обтекаемое, как речная галька, но размером с весь их город. Оно светилось изнутри, и по его бокам бежали узоры — тонкие, острые, похожие на следы птичьих лапок на снегу. Варсонофий видел такие однажды — на глиняной табличке, которую привёз из Царьграда заезжий купец и показывал за деньги. Купец говорил, что табличка древнее Христа и что знаки на ней никто прочесть не может.

— Господи, — сказал Варсонофий. — Господи, что это?

— Ковчег, — сказал Мирон. Он стоял рядом, и его глаза светились тем же голубым светом. — Не бойся, батюшка. Это ковчег.

Лёд под ногами исчез.

Варсонофий не упал. Он почувствовал, что опускается — медленно, плавно, как опускается в воду пёрышко. Вокруг были люди, они кричали, но крик их доносился глухо, будто через стену. Потом крик утих. Стало тепло — впервые за всю эту страшную зиму по-настоящему тепло, как в бане, как в материнских руках. Свет обнял его со всех сторон, и последним,

что он увидел, были золотые купола Воздвиженской церкви, которые медленно уходили вниз вместе с ним.

Весь город уходил вниз. Не тонул — уходил. Дома, церкви, звонница, на которой всё ещё звонил колокол. Звон становился глуше, глуше и наконец растворился в свете.

* * *

Татары вышли к Светлояру на рассвете.

Они ждали увидеть город — богатый город, о котором рассказывал пьяный проводник. Они видели дым над лесом ещё вечером. Они слышали колокол всю ночь.

Но на берегу не было ничего. Ни стен, ни домов, ни церквей. Только снег, лёд и следы — сотни следов, ведущих от берега к середине озера. Следы обрывались посреди льда, ровно, будто люди, дошедшие до этого места, поднялись в небо.

Лёд был цел.

Проводника, говорят, убили тут же, на берегу, за обман. Сотник, который вёл отряд, долго стоял у воды и смотрел на ровную снежную гладь, а потом велел уходить. Говорят, он что-то слышал — тихий, едва различимый звон из-под льда, будто где-то в глубине звонил колокол. Говорят, никто из его людей больше никогда не подходил к этому озеру.

Говорят многое.

* * *

Через несколько столетий книжники старой веры записали эту историю в «Китежский летописец». Они записали её так, как дошло до них через десятки поколений, и так, как могли понять: Господь укрыл праведный град от неверных, опустив его на дно озера, и град этот невидим для грешных глаз, но праведник может увидеть его отражение в тихой воде и услышать звон его колоколов.

Записали и про сторожа. Только сторожа в летописи назвали иначе — «старцем святым, иже неведомо откуда бе». И приписали ему слова, которых он, может быть, и не говорил: «Град сей сокровен до времени. А егда приидет время, и паки явится».

До времени.

Летописец не знал, какое время имел в виду старец. Он не знал, что такое «шар». Он не знал, что под толстым слоем ила на дне Светлояра, глубоко, где не достаёт ни сеть, ни верёвка, осталось лежать нечто, похожее на большую гладкую гальку размером с маленькую церковь. Не ковчег — ковчег ушёл, унося с собой спящих людей. Осталось другое. То, что умело только одно.

Слушать.

Оно слушало небо восемьсот лет. Оно слышало грозы и войны, слышало, как над озером пролетели первые самолёты, как в эфире зашумели первые радиостанции, как люди научились разговаривать друг с другом через полмира и как они научились посылать машины на другие планеты. Оно слушало и молчало, потому что ему не было приказано говорить.

А потом, осенью 2027 года, где-то очень далеко, за орбитой Нептуна, за поясом ледяных глыб, в чёрной пустоте на окраине Солнечной системы, кто-то впервые за тысячи лет повернул к Земле огромное тёмное лицо.

И тот, кто слушал, проснулся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕНЬ В ИНФРАКРАСНОМ

Глава 1. Лишняя точка

В половине третьего ночи Ирина Северцева поняла, что китайцы ошиблись, и почувствовала от этого такое разочарование, что захотелось курить.

Курить она бросила в марте. Бросала уже в четвёртый раз, и каждый раз — навсегда. Пачка «Явы», купленная ещё в феврале в магазине у поворота на Зеленчукскую, лежала в нижнем ящике стола, под распечатками старых каталогов, и Ирина знала об этом с той же точностью, с какой знала координаты Полярной звезды. Она посмотрела на ящик. Ящик посмотрел на неё.

— Нет, — сказала она вслух. — Нет, нет и нет.

Голос прозвучал в пустой комнате глухо. Лабораторный корпус Специальной астрофизической обсерватории ночью пустел: кто был на наблюдениях, сидел наверху, на горе, у большого телескопа, а остальные спали в посёлке Буково, внизу, у реки. Ирина осталась, потому что не могла бросить расчёт на середине. Так бывает с хорошей книгой: знаешь, что завтра рано вставать, а всё равно читаешь ещё одну главу, ещё одну, ещё.

Только книга у неё в этот раз оказалась с плохим концом.

Она откинулась на спинку стула, потёрла глаза и снова посмотрела на экран. Два окна. Слева — кусок неба, снятый инфракрасным спутником IRAS в 1983 году, зернистый, мутный, как фотография в бабушкином альбоме. Справа — тот же кусок неба, снятый японским спутником AKARI в 2006-м, чётче, но тоже не бог весть что. На обоих снимках — россыпь точек. Звёзды, далёкие галактики, пылевые облака, шум детекторов. И среди них — одна точка, обведённая красным кружком. Точка, которую два года назад группа из университета Цинхуа объявила возможной Девятой планетой.

Ирина прочитала их статью ещё в 2025 году, сразу, как она вышла, — в тот же вечер, на кухне, с кружкой остывшего чая с чабрецом. Статья ей понравилась. Нет, не понравилась — восхитила. Идея была простая, как всё гениальное: если Девятая планета существует, она холодная и тёмная, и искать её надо не в видимом свете, а в инфракрасном. А раз так — зачем строить новые телескопы? Есть старые архивы. IRAS сканировал всё небо почти целый год ещё до рождения Ирины. AKARI сделал то же самое двадцать три года спустя. Если сравнить две карты и найти точку, которая за эти годы сдвинулась ровно так, как должна сдвинуться далёкая планета, — вот тебе и кандидат.

Китайцы нашли такую точку. Одну-единственную. И честно написали, что это пока только кандидат, что данных мало, что нужно искать дальше.

Летом 2027 года Ирина решила поискать дальше сама.

У неё был повод, вернее, оправдание. Год назад она закончила проект по инфракрасным обзорам звёздных скоплений, и теперь у неё было то редкое для младшего научного сотрудника время, когда начальство уже похвалило за прошлое, но ещё не придумало, чем занять в будущем. Можно было писать новую заявку. Можно было ехать на конференцию в Казань. А можно было, как выразился Тимур, «поиграть в Шерлока Холмса с чужими данными».

Она выбрала Шерлока Холмса.

План был такой: взять китайского кандидата, вычислить, где он должен быть сейчас, в 2027 году, и найти его на свежих снимках. Свежих снимков хватало. До 2024 года небо в инфракрасном свете снимал американский спутник WISE — сначала под этим именем, потом под именем NEOWISE, когда его перепрофилировали на поиск опасных астероидов. А с прошлой осени в Чили, на горе Серро-Пачон, работала обсерватория имени Веры Рубин — восьмиметровый телескоп с самой большой цифровой камерой на свете, которая каждые несколько ночей фотографировала всё южное небо. Данные первых лет открывали постепенно, но кое-что уже было доступно.

Ирина провозилась с этим весь июль и половину августа. Она вычислила все возможные орбиты китайского кандидата — от самой медленной до самой быстрой, от круговой до сильно вытянутой. Для каждой нашла, где точка должна оказаться в 2010 году, когда работал WISE, и где — сейчас. Перебрала снимки. Перебрала ещё раз, с другими фильтрами. Попросила знакомых в Москве прогнать её код на суперкомпьютере, потому что её собственный рабочий компьютер начинал гудеть, как самолёт на взлёте.

И вот теперь, в половине третьего ночи пятнадцатого августа, она смотрела на результат и понимала: китайской планеты нет.

Ни на одном снимке WISE не было точки, которая бы подходила хоть под одну из возможных орбит. Ни на одном снимке обсерватории Рубин тоже. Кандидат из Цинхуа оказался, скорее всего, тем, чем чаще всего оказываются такие кандидаты, — случайным совпадением двух разных объектов, далёкой галактикой на одном снимке и пятнышком шума на другом.

«Жаль, — подумала Ирина. — Красивая была идея».

Она сохранила результаты, написала короткое письмо руководителю группы в Цинхуа — вежливое, с благодарностью за открытые данные и с аккуратным «к сожалению». Отправила. Выключила монитор.

И вот тут, в темноте, в последнюю секунду перед тем, как экран погас, она увидела то, что видела весь вечер, но не замечала.

* * *

Это была не та точка.

В её программе была одна особенность, которую Ирина добавила почти случайно, на всякий случай. Программа искала не только китайского кандидата, но и любые другие точки, которые двигались между снимками. Таких точек было много — тысячи. Астероиды, кометы, ошибки сопоставления, блуждающие пятна шума. Программа отбрасывала их автоматически, по десяткам признаков, и в итоге в списке «необъяснённых» оставалось несколько сотен. Ирина собиралась разобрать этот список когда-нибудь потом.

Но когда экран гас, в углу окна с итоговой таблицей мелькнула строчка, подсвеченная жёлтым. Жёлтым программа выделяла объекты, которые не вписывались ни в одну категорию.

Ирина снова включила монитор.

Строчка была одна на всю таблицу. Цепочка точек в созвездии Стрельца, почти у самого центра Галактики, в той области неба, где звёзд так много, что они сливаются в сплошную светящуюся кашу. Одна точка — на снимке IRAS 1983 года. Другая — на снимке AKARI 2006 года, на несколько градусов в стороне. Третья, четвёртая, десятая — на снимках WISE 2010 года и NEOWISE до 2024-го. В каждом каталоге это был отдельный, ничем не примечательный источник, записанный как «звезда, тип неизвестен». Никто никогда не связывал их между собой.

А программа Ирины связала. Она была написана для поиска очень далёких объектов и перебирала орбиты, проверяя, не легли ли какие-нибудь случайные одинокие точки из разных лет на одну и ту же кривую. Обычно не ложились. Эти — легли. Все, от 1983 года до 2024-го, как бусины на одну нитку. Обычные программы поиска движущихся объектов такую нитку не видели: они искали то, что сдвигается за ночь или за неделю, а не то, что за сорок лет проползает по небу несколько градусов в толчее миллионов звёзд. Нитка попадала в щель между категориями.

Ирина наклонилась к экрану.

Сначала она решила, что это случайность. В Стрельце точек столько, что через них можно провести почти любую кривую. Она перемешала точки, подставила фальшивые, прогнала программу снова — сто раз, тысячу раз. Случайные нитки получались, но короткие, из трёх-четырёх бусин, и рвались на следующем же снимке. Эта не рвалась.

Тогда пришло в голову другое — далёкий астероид, транснептуновый объект, ледяная глыба из пояса Койпера. Таких открывают десятками каждый год. Она открыла параметры. Яркость в инфракрасном свете на длине волны двенадцать микрон, двадцать пять, шестьдесят, сто... И тут что-то было не так.

Ледяные глыбы за Нептуном — холодные. Минус двести двадцать, минус двести тридцать градусов по Цельсию. Солнце там светит в тысячу раз слабее, чем на Земле, и греть ему нечем. Такие объекты излучают в инфракрасном свете очень слабо, и пик их излучения приходится на длинные волны, далеко за сто микрон.

А эта точка светила иначе. Пик её излучения приходился на гораздо более короткие волны. Как будто она была теплее, чем имела право быть на таком расстоянии от Солнца.

«Или ближе, — подумала Ирина. — Если она ближе, то теплее. Значит, это какой-нибудь обычный астероид, который просто ближе, чем кажется».

Но если бы точка была ближе, она двигалась бы по небу быстрее. Гораздо быстрее. Обычный астероид за сорок лет обежал бы всё небо, а эта нитка тянулась всего на несколько градусов. Точка ползла.

Ирина посмотрела на часы. Без четверти три.

Пачка «Явы» по-прежнему лежала в нижнем ящике.

* * *

К шести утра, когда над вершинами хребта Абишира-Ахуба начало светлеть небо и где-то внизу, в посёлке, закукарекал первый петух, у Ирины было три листа исписанной бумаги, четыре пустых кружки и одно предположение, которое она боялась произнести вслух.

Она не курила. Это было единственное, чем она могла гордиться в эту ночь.

Дверь лаборатории открылась, и вошёл Тимур Байрамуков — в куртке нараспашку, с термосом в одной руке и пакетом в другой. Тимур был инженером большого телескопа БТА — того самого шестиметрового гиганта, который сорок с лишним лет назад был самым большим телескопом в мире и до сих пор оставался самым большим в России. Сейчас он шёл с ночной смены наверху и, судя по лицу, смена прошла спокойно.

— О, — сказал он, увидев Ирину. — Ты что, тут ночевала?

— Тут, — сказала она.

— А выглядишь, будто тебя сначала ночевала, а потом ещё и обедала. — Он поставил термос на стол. — Чай будешь? Залина заварила, с мятой. И хычины вот, с картошкой. Ешь давай, а то упадёшь — кто мне будет про планеты рассказывать?

Ирина взяла хычин и откусила. Только тут поняла, что не ела со вчерашнего обеда.

— Тимур, — сказала она с набитым ртом. — Посмотри на это.

— На что?

— На точку.

Тимур подошёл к экрану, наклонился, посмотрел. Он был не астрофизиком, а инженером, но за восемь лет на обсерватории научился читать снимки неба не хуже многих научных сотрудников.

— Ну, точка, — сказал он. — Звёздочка. В Стрельце, что ли? Там этих звёздочек как гороху в мешке.

— Она движется.

— Все движутся. Земля вон тоже движется, вокруг Солнца крутится, а мы и не замечаем.

— Тимур, я серьёзно.

Он посмотрел на неё внимательнее, перестал улыбаться и сел на соседний стул.

— Ладно, — сказал он. — Рассказывай.

Ирина рассказала. Про китайцев, про пустые снимки, про жёлтую строчку в углу таблицы. Про нитку из точек, которая тянется через сорок лет. Про то, что она движется слишком медленно для обычного астероида. Про её странное тепло.

— И что из этого следует? — спросил Тимур.

— Из этого следует, что она далеко. Очень далеко. Если судить по скорости — дальше Плутона. Раза в полтора дальше. Где-то пятьдесят–шестьдесят астрономических единиц от Солнца.

— Это сколько в километрах?

— Восемь–девять миллиардов.

Тимур присвистнул.

— А тепло? — спросил он.

— А тепло не сходится. На таком расстоянии ледяная глыба должна быть холодной. Совсем холодной. А эта — теплее. Причём намного. Как будто у неё внутри что-то есть, что её греет.

— Что, например?

Ирина помолчала.

— Тимур, ты знаешь, почему Юпитер теплее, чем должен быть? — спросила она.

— Ну, расскажи.

— Потому что он до сих пор остывает. Он огромный, у него горячие недра, и он излучает больше тепла, чем получает от Солнца. Почти в два раза больше. Сатурн тоже. Нептун — в два с половиной раза.

— Ты хочешь сказать, что это — что-то вроде Юпитера?

— Нет. Юпитер мы бы увидели невооружённым глазом даже на таком расстоянии. Ну, не невооружённым, но в любой телескоп. А эта точка в обычном свете — очень тусклая. Я проверила по каталогам. Там на этом месте записана слабая звезда семнадцатой–восемнадцатой величины, ничем не примечательная. В обычном свете её почти не видно, а в инфракрасном она светит. Значит, она тёмная, почти чёрная, отражает очень мало света. Но при этом тёплая.

— И что это значит?

Ирина посмотрела в окно. Небо над горами уже порозовело, и где-то там, высоко, невидимый в утреннем свете, на своём бетонном постаменте стоял огромный телескоп, который сегодня ночью смотрел совсем в другую сторону.

— Это значит, — сказала она медленно, — что это не ледяная глыба. Это что-то большое. Тёмное. Тёплое. И далёкое. И оно сорок лет висело у всех на виду, а никто его не заметил, потому что оно спряталось в самом людном месте неба. Как карманник в толпе.

— Планета? — спросил Тимур тихо.

— Не знаю, — сказала Ирина. — Может быть, ошибка. Скорее всего, ошибка. Дефект детектора, который повторялся на всех спутниках. Или две разные звезды, которые я приняла за одну. Или просто я дура, которая не спала всю ночь.

— Ты не дура, — сказал Тимур. — Ты упрямая. Это разные вещи. — Он налил ей ещё чаю. — Слушай. Как говорил мой дед, не тот охотник, кто первым выстрелил, а тот, кто зайца домой принёс. Ты пока только услышала, как в кустах шуршит. Иди спать. А вечером посмотришь свежими глазами.

— Тимур, я не засну.

— Заснёшь. Хычин доешь — и заснёшь. Это проверенное средство. У нас в роду все от хычинов засыпали.

Ирина рассмеялась — впервые за всю ночь. Смех получился немного истеричным, но всё равно стало легче.

* * *

Она ушла домой в начале восьмого. Посёлок Буково просыпался: на улице кто-то заводил «Ниву», из окна второго этажа соседского дома пахло жареным луком, по дороге к реке брёл с удочкой старый электрик Михалыч, который рыбачил каждое утро уже лет тридцать и ни

разу никому не показал улов. Горы стояли вокруг, огромные и спокойные, и в утреннем свете казались ближе, чем были на самом деле.

Ирина шла и думала о том, что ей тридцать один год, что она восемь лет работает на этой обсерватории, что за эти годы она не открыла ничего, о чём написали бы в новостях, и что это нормально. Так живёт большинство учёных. Они не открывают планеты и не получают Нобелевских премий. Они уточняют чужие результаты, проверяют чужие гипотезы, закрывают чужие ошибки. Медленно, по крупинке, складывают мозаику, которую потом, может быть, кто-то другой увидит целиком.

«Это ошибка, — сказала она себе. — Скорее всего, это ошибка. Ты проверишь её, найдёшь, где облажалась, и через неделю будешь над этим смеяться».

Она пришла домой — в маленькую однушку на втором этаже панельного дома, где из окна было видно реку и кусок горы, — разделась, легла и, к своему удивлению, заснула сразу. Может быть, Тимур был прав насчёт хычинов.

Снилась ей почему-то бабушка, мамина мама, которая жила в Пятигорске и умерла, когда Ирине было десять. Бабушка сидела на скамейке у подъезда, лузгала семечки и говорила, глядя на небо:

— Ты, Иришка, на звёзды не засматривайся. Звёзды, они как люди: издалека красивые, а подойдёшь поближе — кто его знает, что там.

Проснувшись Ирина в три часа дня с чётким ощущением, что во сне она что-то поняла. Что-то важное. Но что именно — вспомнить не смогла.

Она сварила кофе, выпила его стоя у окна, оделась и пошла обратно в лабораторию.

Точка была на месте.

Конечно, она была на месте — куда ей деться? Но Ирина почему-то боялась, что за время её сна точка исчезнет, растворится, окажется галлюцинацией уставшего мозга. Она проверила координаты. Проверила снимки. Всё было как ночью.

Тогда она открыла чистый лист в блокноте и написала сверху крупными буквами:

«ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ТАК».

И начала составлять список.

Этот список она вела потом ещё три недели. В нём было сорок семь пунктов — от «дефект калибровки детекторов IRAS» до «случайное совпадение трёх независимых объектов». Каждый пункт она проверяла и вычёркивала. Иногда на проверку уходило полчаса, иногда — четыре дня. Иногда она была почти уверена, что вот он, нашёлся, тот самый пункт, который всё объясняет, — и через несколько часов вычёркивала его тоже.

Последний пункт, сорок седьмой, звучал так: «Параллакс. Движение может быть кажущимся, из-за движения Земли вокруг Солнца».

Его она оставила напоследок, потому что знала: это самая главная проверка. Та, на которой ломаются почти все кандидаты.

И та, которая займёт больше всего ночей.

Глава 2. Параллакс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.